

ПЕТЯ КАНТРОП

Юмористический рассказ

Петр Алексеевич ко мне приходит и говорит:
— Я великое открытие сделал.

А я отвечаю:

— Это бывает.

Тогда он достает большую мензурку, наполненную розовой жидкостью:

— Вот мое открытие.

— И это бывает, — отвечаю.

— На слово вы не верите ученым. Но настанет время, никто не будет нас проверять: сделано — сказано!

Затем Петр Алексеевич отмерил и вылил в чашку темного жидкости, выпил и превратился в своего папу Алексея Михайловича. Я, по чести говоря, совсем не удивился, потому что знаю Петинного папашу много лет. Правда, никогда я его таким молоджавым не видел, разве что на фотографиях. Выглядел он не старше своего сына.

— Добрый день, Алексей Михайлович, — говорю. А он на меня как-то странно смотрит и не узнает. Потом вздрогнул и стал разбрасывать брюки и пиджак: Петина одежда на «старике» затрещала, потому что Алексей Михайлович против своего наследника много корпулентнее.

— Здравствуйте, Алексей Михайлович, я же Антон, товарищ вашего сына.



Рисунки Г. КОВАНОВА

Алексей Михайлович разгневался:

— Какой товарищ? Какого сына? Нет у меня пока что никаких детей, жена мальчиков не любит и хочет родить дочь. И вообще где я?

Вежливо объясняю, что я сын Якова Осиповича, его соседа. Тут папаша так захохотал, что Петин пиджак, подобно феодальному государству, стал стремительно распадаться на отдельные территории.

— Если ты Якова сын, значит, он уже в детской коляске был отцом семейства.

— А какое, кстати, число сегодня и год? — спрашиваю я.

— Что, ты не в погу со временем живешь, что ли? — шутит Алексей Михайлович. — 6 июля 1940 года.

Смекаю, что до Петинного рождения еще почти целый год, и протягиваю его папаше сегодняшней номер «Советского спорта».

— Вот, — говорю, — свежая газетка от 18 февраля 1966-го...

Алексей Михайлович как впился в газету, как рот разинул, так и просидел молча не знаю сколько времени. И вдруг рот закрыл и превратился в Петьку.

Петя обругал себя за то, что не снял костюма перед опытом, и сказал:

— Видишь, открытие какое я сделал? Ровно пятнадцать минут действует.

— А если принять двойную дозу твоего эликсира?

— Пожалуйста.

Отмерил, выпил вдвое против прежнего и тут же сделался собственным дедушкой Михаилом Федоровичем, которого я в детстве видал. Михаил Федорович был молод и худощав. Дранный Петин костюм на нем висел, как на пугале.

Разумеется, я не стал расспрашивать Михаила Федоровича, узнает ли он меня и как относится к своему сыну Алексею Михайловичу, но завел такой разговор, что «старик», мне отвечая, пришлось сказать, какое сегодня число.

— 12 мая.

— А год?

— 1902-й, — смеется.

Тут я вспомнил, что дед был любителем поэзии, и немало удивил его кое-чем из Блока, Маяковского и Багрицкого, которых он еще знать не мог. Чтобы не вызывать лишних вопросов, я собирался сообщить дедушке Мише, что все эти стихи сам сочинил, но сделаться великим плагиатором не успел; пятнадцать минут прошло, и передо мною был снова Алексей Михайлович образца 6 июля 1940 года. Меня он опять видел в первый раз, но я уже имел опыт обращения с ним: поговорил о погоде, затем сунул в руки «Советский спорт» и спокойно дождался появления Петра Алексеевича.

А Пете я задал только три вопроса.

— Вопрос первый: что, если бы несколько минут назад невзначай зашел ко мне в комнату настоящий, то есть сегодняшшний, твой папаша Алексей Михайлович и встретил бы самого себя в молодом возрасте?

— Да, — сказал Петя, — это был бы нежелательный вариант. Папа у меня задиристый, мог и в ухо дать.

— Какой папа какому?

— А не все ли равно?

Второй вопрос я задал такой:

— В чем же секрет твоего эликсира?

Петя сказал, что основная формула его эликсира $P=M+P$, то есть РЕБЕНОК = МАМА + ПАПА. В первый миг своего существования в ребенке нет ничего своего (плоть от плоти двух родителей). Потом уж к $M+P$ прибавляется еда, среда и прочее бытие. Но каждая мама и каждый папа сами вначале составляли определенное сочетание своих родителей, те — своих и т. д. и т. п.

— Значит, что надо? — спросил Петя риторически. — Надо найти способ в каждом человеке выделить нужного предка в чистом виде, а для этого убрать на время черты и качества других предков. Вот этот напиток в зависимости от дозы и дает любого предка: чуть больше — прапрадедушка, чуть меньше — папаша... Ну, разумеется, все они появляются в том возрасте, в котором были при начале существования своего сына. Папаше было, к примеру, тридцать семь, когда я начался. Приняв минимальную дозу розовой водицы, я отсекаю множество свойств и становлюсь своим молодым отцом. Всего, пра-

два, на пятнадцать минут, дольше никак не выходит. Ну, а приняв пять доз, я на девятьсот секунд обращаюсь в прапрапрадеда в момент основания прапрадедушки... Так что, как видишь, все до того просто, что непонятно, отчего никто доселе такого открытия не совершил.

Тут я задал третий вопрос:

— А почему ты не делаешься мамашей или прабабушкой?

Петр Алексеевич поважшел, достал мензурку с синей жидкостью.

— Вот женский эликсир. Перемешивая два паптика, можно получить любого из двух дедушек, или двух бабушек, или, если угодно, какую из шестнадцати прапрабабушек. Но... — тут Петя замялся, — но я как-то стесняюсь превращаться в женщин. У меня почему-то всегда есть опасение, что синий эликсир мой вдруг откажет и я навсегда останусь собственной прабабкой. Конечно, и розовый может сплеховать, но — умереть мужчиной предпочтительнее...

«Хорошие все-таки друзья у меня, — думал я, слушая Петю. — Ученые и приятные».

Из моего дневника

21 февраля. Петр привел знакомого студента Володю Пушкина. Мы все подготовили, чтобы на пятнадцать минут превратить Володю в его прямого предка Александра Сергеевича. Однако мы так волновались, что дали Володе лишнего и вместо Пушкина получили Ганнибала, Арапа Петра Великого. Оробели мы, конечно, но Петя заговорил о фортификации, и арап, с детства привыкший ничему не удивляться, принялся чертить и объяснять. В разгар очень любопытного объяснения он сделался, однако, Осипом Абрамовичем Ганнибалом, мрачным и злым, и дико заорал: «Водки!!!»

Мы побежали, принесли. Он выпил раз, два, три, заставил нас пить. Мы не хотели, но он настаивал, да нам и отказываться было стыдно. Как это ни удивительно, но довел он нас за пятнадцать минут до такого состояния, что мы и Надежду Осиповну, и Александра Сергеевича, и детей, и внуков, и правнуков Пушкина проспали, и когда очнулись, то Ганнибалы-Пушкины уже превратились в студента Володю, и, сколько мы его ни уговаривали, больше он не желал подвергаться опыту: боялся в себя не вернуться.

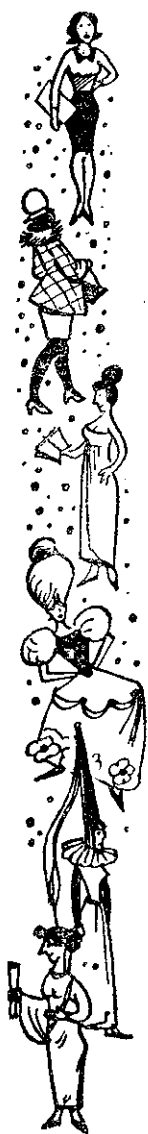
— Глупец! Ведь предки у тебя какие!

— Гениальные люди, но все какие-то несчастные...

Против этого мы ничего не могли возразить.

Петя после размечтался: найти бы всех потомков великих людей и разом превратить их в знатных предков.

Я же утверждал, что ничего хорошего из этого не выйдет.



22 февраля. Испугались мы потом, а сначала даже не поняли, что произошло. Пригласив Элю и Марину, двух знакомых девушек, мы выдали им сишенькой ровно столько, чтобы забросить обеих примерно в первую треть XVIII века. И вдруг одна из девиц растворилась. Мы похолодели: иди доказывай потом, что она в царстве Анны Иоанновны куда-то запропастилась. Пришлись мы расспрашивать Поликсену Никифоровну (ту, что осталась), но она была строгих правил и с нами беседовать не желала, пока не превратилась в Анну Дмитриевну, свою дочь. Та была побойчей, но, когда мы стали про исчезнувшую подругу спрашивать, она не понимала и принялась кокетничать. Петя проявил себя любезным кавалером, но не успел произнести и десятка комплиментов, как появилась довольно противная Татьяна Михайловна — дочь Анны Дмитриевны, и пошло, и пошло. Мы ни живы ни мертвы. Даже тетка, спросившая нас: «Ребятуншки, говорят, наш Николай Павлович захворал, куда денемся-то?» — даже эта тетка нас не рассмешила. И когда мы готовы были зарыдать от отчаяния, Матрена Константиновна вдруг превратилась в двух шустрых девиц — Марию и Варю. Развеселившись, мы тут завели магнитофон, да так сплясали, что партнерши наши трижды переменялись, а мы даже не заметили, и под конец удивились, отчего они так похожи на двух наших знакомых девушек — Элю и Марину. (Мы потом им, конечно, объяснили, что они родственницы, что у них прабабушка общая, а они смеются и не верят...)

23 февраля. Я предлагаю Петру Алексеевичу обнародовать открытие, но он считает — еще понытывать надо. К тому же запасы эликсира невелики — пока что всего бутылки две...

1 марта. Петя привез целый бочонок. Говорит, неделю настанвал. Хочет в обезьяны податься. Весь вечер сидели, разрабатывали опыт. Устали. Для разминки Петр сбегал в прадедушку по женской линии, а я в прабабушку по мужской.

Решили опыт проводить так: поехать к Пете на дачу и превратиться там в обезьяну (а то в доме, чего доброго, далекие предки все изгадят и переломают). На дачу отвезти старый тулуп,

иначе предок замерзнет, подготовить консервов, воды, инвентаря.

Чтобы отправиться на миллион лет, придется выпить целый жбан эликсира. Это трудно. Решили провести в два приема, то есть сначала получить промежуточного предка, а затем напоить его. (Я забыл сказать, что, как ни странно, в опытах по превращению съеденное и выпитое одним предком не переходило в другого. Так что один раз Петя по пути от прапрабабки обратно за один час четыре раза плотно пообедал. Мы решили, что весь паек одного переходит в энергию, необходимую для превращения в другого.)

2—3 марта. Перетаскиваем инвентарь на дачу. Петя сумел выхлопотать на работе творческий отпуск. Говорит, что обидно превращаться одному, неплохо бы закинуть в древность несколько человек, чтобы было хоть какое-то общество. Да и для науки полезнее. Однако пришлось бы ждать еще несколько месяцев, пока настоится эликсир, а Пете уж очень хочется в обезьяны.

Окончательно уточнили маршрут: через прапрапрабабушку № 5 по материнской линии (для удобства мы предков занумеровали). Эта дама сообщила нам однажды, что родилась в один день с императрицей Екатериной, что живет в Москве на Варварке и что отец ее старинной фамилии греческий купец. (Очень уж путаное у Пети фамильное древо оказалось.) Вот этот купец нас и занимал, потому что через своих греческих предков он позволял нам совершить экскурсию прямо в античные века и страны...

Итак, через прапрапрабабушку № 5, а от нее прямо, не сворачивая, по мужской линии — в древность.

6 марта. Все (то есть все пробовавшие эликсир) в сборе на даче у Пети. Кругом снег. Тишина. Все подготовили, выпили немного (вина), присели перед дорогой. Петя простился с нами, заранее попросил извинить за возможные неблагоприятные поступки предков. Посмеялись мы: выбьет кому-нибудь глаз или сожжет дом, но, пока милиция придет, нарушитель сделается собственным сыном или внуком, а ведь сын за отца не отвечает...



Петя разделся, завернулся в тулуп, мы отошли в сторонку. Я стал считать: пять... четыре... три... два... один... СТАРТ!

«До скорого!» — крикнул Петя и, запрокинув голову, стал глотать розовато-синюю смесь. Кадык его долго мелькал в наших глазах, пил он явно через силу, но вот, наконец, поставил кувшин на стол, крикнул и вдруг — уменьшился и расширился. Мощные мускулистые ноги, очень покатый лоб и, как ни странно, редкие клочки волос на большой лысине. Впрочем, громадные руки, покрытые шерстью, были очень красивы.

Мы ждали разных выходов: сдерет с себя майку, будет кидаться. Но ничего этого не произошло. Обезьяночеловек внезапно ослабился и выдал какое-то гортанное звуко сочетание вроде «гхакка».

Мы поняли, что это хорошее слово, и отвечали: «Гхакка... гхакка...»

Я быстро соображал: Петя наварил эликсир на миллион лет, середина — пятьсот тысяч... Значит, вот каким был пращур Петьки пять тысяч веков назад.

Эля у нас очень начитанная.

— Это время синантропа, — говорит, — но я вижу ясно, что наш обезьяночеловек не совсем синантроп. Он стоит прямо, голова побольше, и в то же время он послабее.

Володя неожиданно встал и, к великому нашему удивлению, произнес речь:

— О ты, далекий предок нашего товарища, тебе и твоим детям придется выпести необычно много — тысячи веков голода, борьбы, войны, несчастий. Но ты уцелеешь и доживешь до нас. Мы желаем тебе счастливого пути...

Неожиданно обезьяночеловек привстал, чихнул и произнес отчетную речь, в которой мы разобрали уже знакомые «гхакка» и нечто новое — «кх-гм-тьфу!».

На всякий случай я ответил тем же и, судя по иронической ухмылке синантропа, догадался, что сморозил какую-то глупость. Я понял, что нельзя забывать: этот предок во много раз умнее умнейших обезьян.

Но надо было торопиться. Мы поднесли ему жбан с питьем. Он принял его, но, прежде чем пить, медленно обошел всех нас, внимательно глядя в глаза. Нам не по себе было. Будь я проклят, если он не угадывал мыслей, и, только угадав, что они добрые, выпил. Выпил разом, и нам показалось, что эликсир на него не подействовал: рост тот же, ноги и руки — те же. Череп — потом мы измерили на фотографии — чуть меньше. Выражение лица — нельзя сказать, что более дикое, просто какое-то хмурое.

И тут я понял, что передо мной питекантроп или что-то подобное. «Петя Кантроп», — прошептали девочки. Пятьсот тысяч лет, отделявших первого обезьяночеловека от второго, почти совсем не чувствовались, потому что похожи они были друг на друга чрезвычайно.

Вот теперь-то начинался опыт.

— Но, но, Петенька, — сказала Марина, пятясь к двери.

И тут Петя прыгнул на нее с криком: «Ак-ак!» Я пытался урезонить его воплем «гхакка», но язык пятисоттысячного года был, видно, не актуален для миллионного.

Петр 1-й (мы опять решили занумеровать предков, но на сей раз отчет вести с древнейших), с обезьяночеловеческой силой разбросав, расшвыряв и запугав, заставил нас залечь за забором (сверху колючая проволока) и, дрожа, наблюдать в щели.

За пятнадцать минут Петр 1-й прогрессировал довольно сильно. Он быстро разобрался в наших следах, понял, где мы находимся, догадался, что через забор не перемахнешь, и устрашающе проревел ровно столько раз, сколько нас было (умеет считать?). Устрашив, захотел есть. На холод не реагирует: видимо, привык пагшом на морозе. Открытую банку консервов опустошил быстро и, конечно, догадался, что в других железных коробках тоже прячется вкусное. Повертел коробки, нашел камень и с силой грохнул банку о него (привык, наверное, сталкивать зверей со скалы на острые камни). Еще удар, банка треснула, и в этот миг появился Петр 2-й.

Петр 2-й пятнадцать своих минут спокойно, не торопясь банку доедал. Сыт. О прогрессе не думает.

Дальше все однообразно.

Петры били консервы о камень. Сын разбившего пользовался плодами отца и извилинами шевелить не желал, сыну же лентяя еды не оставалось, и он умнел на глазах.

7 марта. В полночь мы уехали в город. Наутро — те же обезьянолюди. Глодают консервы, подкапываются под забор. Подкоп не получается, зато нечаянно изобретают землянку.

Тут только мы сообразили: миллион лет — десять тысяч веков — примерно сорок-пятьдесят тысяч поколений. Одно поколение за пятнадцать минут, четыре — за час, каждые сутки — девяносто шесть, каждый месяц — около трех тысяч. До возвращения Пети — больше года!!!

Как объяснить все на Петиной работе?

9 марта. Сегодня ровно год с начала опыта. Петр 35041-й все свое время на нас даже не взглянул, в юбилей участвовать отказался и рисовал куском кирпича на заборе каких-то тварей, нам совершенно неведомых. Мы пожалели, когда его время прошло, но сын спокойно продолжал картину: видно, все тогда хорошо рисовали.

21 марта. Очень милый неандерталец. Петр 36475-й тянет унылую, странную песню. Мы хором грянули «Подмосковные вечера». Он наслаждался и довольно недурно подтягивал.

26 июня. Вчера вечером Петя еще был нормальным, мощным неандертальцем, сидел грустно у костра и сосал большую медвежью кость (из магазина «Лесная быль»). Но сегодня утром Петр 39004-й — совершенно наш человек. Ребята говорят: «Значит, вот как все было: не по капле, а водопадом! Мелкие изменения вдруг прорвались, и наш предок за короткий срок добился, вероятно, самого значительного успеха...»

Все-таки хорошие у меня друзья, грамотные...

Мы пытаемся узнать, откуда он:

— Эй, парень, где живешь?

— Гора, пещера.

— А за горой?

— Большая вода.

— А за водой?

— Кто знает.

Вот и говори с ним. А когда Петр 39018-й нарисовал нам нечто вроде карты и нечто вроде кенгуру, мы чуть не подумали, что он из Австралии, а поскольку в Австралии ему быть не полагалось, мы перепугались и вопросы прекратили.

Июль. Стало весело. Люди пошли ничуть не глупее нас. Ай да Петр Алексеевич — с каких пор уже умный!..

23 поколения (Петры с 39128-го по 39150-й, почти полтысячелетия) — все ребята как на подбор. Рост — около двух метров, за пятнадцать минут любой осваивает грамоту. Одному смеха ради объяснили, что он сейчас в сына превратится и так далее... Не удивился ничуть.

— У нас, — говорят, — и не то бывает.

2 августа. С того дня, как Петр Алексеевич стал шлифовать каменные топоры, совсем просто с ним стало. Мы въехали на дачу, выделили ему комнату и стали неплохо жить. На всякий случай по ночам, конечно, оставляли дежурного, чтобы не подвергнуться внезапной атаке какого-нибудь Петра с плохим характером или Петра с плохим прошлым, но Петры нами не занимались. Металл осваивали.

11 августа. В языке Петра 39943-го мелькнуло что-то греческое. Его звали Ахиллес. Когда мы спросили, откуда такое имя, он долго трясся от смеха: «Ахиллес — победитель троянцев. Как не стыдно быть такими невежественными?»

1 сентября. Мы уже не спим. У нас часы «пик», к которым мы явно не подготовились, размагниченные нетеропливой историей, с которой имели дело до сих пор. Сегодня за полдня

перед нами проскочили древняя Греция и Рим, то есть почти целый учебник пятого класса. Мы едва успевали спрашивать и записывать. Грек шел за греком — афинцы, самосцы, опять афинцы. Наши ребята пороят поговорить про древнюю культуру, но всего один из опрошенных слышал про философа Демокрита и лишь двое про ученого Аристотеля. Зато Петр 39986-й (на самом деле его звали Диодор) сообщил нам, что очень хорошо знает Платона: философ покупает у него зелень и всегда очень долго торгуется.

...Ночью мне приснился сон.

Петр Алексеевич входит ко мне и говорит: «Я великое открытие сделал». — «Это бывает», — говорю. Тогда он притащил целую бочку и тут же ее разом выпил. Не успел я слово сказать, как Петя чешуей покрылся, когти выросли, захрипел, зашипел, из рук какие-то перепонки вылезли — да как гаркнул, да как вылетел в окно и был таков...

Сплю я и считаю: если не собьет его авиация и сумеет спрятаться, что тогда будет? Петя был ящером, наверное, сто миллионов лет назад: стало быть, пять миллионов поколений; по пятнадцать минут на поколение. Что же, лет через сто пятьдесят Петька, пожалуй, появится. Счастливчик — в будущее забредет, осмотрится и обратно...

«Это бывает», — говорю я во сне...

Сон в руку!

Хорошенькая прапрабабка № 5, спокойная и умная, разговаривала с нами достойно, не задавая лишних вопросов. Мне очень понравилось, что любимца Екатерины Григория Орлова она обозвала Гришкой и не испугалась...

Но что такое? Кажется, прошло пятнадцать минут?

Шестнадцать...

Двадцать!

Двадцать пять!!

Час!!!

Мы поддерживаем беседу, с трудом сдерживая ужас... Но наша собеседница Ирина Яковлевна вдруг о чем-то догадывается:

— Что, господа, с вами?

— Да так, ничего.

— Ну простите, засиделась у вас, муж и дети ждут.

Мы переглядываемся:

— Подождите!

Еще полчаса мы рассказываем ей о далекой стране, откуда мы явились, о самолетах, телефонах, подводных лодках, радиоприемниках и революциях. Она слушает внимательно, охотно верит.

И вот наступает момент, которого мы так боимся.

— Ирина Яковлевна, оставайтесь здесь, вам сейчас трудно будет домой вернуться... Видите ли, мы хорошо знаем вас, и вашего мужа, и отца вашего мужа, и деда его (всех называем, фото показываем). Но произошло странное явление: колдовство, что ли... Некоторые волшебные силы перенесли вас — поверьте, мы этого не хотели — из вашей страны в нашу. Ваша семья здорова и счастлива, но вам придется побыть у нас, только при этом условии им будет хорошо...

(Опускаю вопросы, разговоры, грустные подробности.)

Бедная Ирина Яковлевна! Проклятый эликсир за восемнадцать месяцев выдохся и перестал действовать. И что делать-то теперь? Петьки нет, и рецепта нет. То есть Петя есть, но что толку, если Петя — это милейшая Ирина Яковлевна (Петр 43082-й). Попробуй объясни ей, что дети и муж ее благополучно прожили свою жизнь с псью, причем это было два века назад.

А что скажем Петинной родне?

Вместо Пети — очаровательная прапрапрабабушка № 5.

Пришлось ей остаться в нашем времени, а Петинны родители после наших объяснений и киносюжетов удочерили ее, хотя Петинному папаше Алексею Михайловичу эта дочка приходилась прапрабабкой.

И стала она жить в стране, очень похожей на ее страну — в том же городе Москве, с тем же русским языком, — но все же совсем в другой стране. Жила хорошо, пристроилась в Академии наук, в секторе истории XVIII века. (Предупреждали мы кого следует, что еще возможны с ее стороны «заскоки», странные вопросы, заявления «когда я видела императрицу Елизавету...» и т. д. и т. п.)

По мужу с детьми тосковала, тосковала, но, когда пообвыкла, лет через пять, ребята ей весь секрет раскрыли.

Поплакала она по своим родным, давно умершим, и по себе, давно умершей, — и замуж вышла за одного из сотрудников сектора. Сын родился — Петей назвали. Муж перед свадьбой все допытывался у меня: не войдет ли эликсир опять в силу — вель тогда вместо любимой жены за один час может Петр Алексеевич образоваться!

— Живите спокойно, — говорю с грустью.

Вот что порой бывает...

